

Леонид Авербух

Одесские музы поэтов

В.В. Маяковский и Е.Ю. Хин

Писатель Д.Л. Быков в своей книге «13-й апостол. Маяковский: Трагедия-буфф в шести действиях», изданной в 2016 г. (серия ЖЗЛ) написал о том, что мне не встречалось в других источниках. Речь идет еще об одной из муз поэта, достаточно тесно связанной с нашим городом.

Маяковский бывал в Одессе в 1924, 1925, 1926 и 1928 годах. Встреча с этой женщиной произошла летом 1926-го. Быков пишет по этому поводу: «На каждом повороте жизнь Маяковского могла превратиться в роман, и каждый раз вместо романа выходил какой-то другой жанр». Быков пишет так, как будто бы он был свидетелем и участником этих встреч, но определенно опирается на воспоминания героини этого очерка. В интервью радио «Свобода», к которому мы еще вернемся, он сослался на ее мемуары, однако среди полусотни источников, приведенных в библиографии к книге, они не значатся. Обнаружить их удалось в первом номере журнала «Звезда», вышедшем в январе 1959 года. Потом дважды переиздавались в сборниках. Увы, книги, вышедшие в России, малодоступны. Необычайно интересным оказался этот насыщенный образами и фактами романтический текст...

Он стоял на балконе гостиницы «Лондонская», перед ним на парапете – бокал вина, был ослепительный июньский день, дул легкий ветер с моря. Она сидела внизу, напротив, в платановой аллее над обрывом, с его книгой. Она знала, что он в городе, и бессознательно желала попасться ему на глаза. Ей с утра уже

донес один из поклонников, что... приехал, приехал. Остановился в «Лондонской». Обрит наголо. С палкой. И – великолепен!

И вот она на бульваре. На балконе – Маяковский. Он смотрел на нее, она подняла глаза. Книга стихов Маяковского упала с колен – обложкой вверх. Он поднял бокал и выпил за нее. «За своего читателя», – подумала она. Улыбнулись друг другу. Но тут на извозчике приехал сияющий Семен Кирсанов. Они с ней были знакомы по одесским поэтическим вечерам, и если бы он ее заметил, то немедленно представил бы Маяковскому. Она этого пока не хотела. Она вообще не знала, хочет ли этого, и убежала к морю, карабкалась по обрыву в зарослях сирени и лишь полчаса спустя вернулась на аллею. А там стояли Маяковский с Кирсановым, поджидая именно ее.

– Товарищ девушка! – сказал Маяковский медленным басом. – Вы мне по росту. Давайте гулять вместе.

И далее – если кто-то хочет представить, какой она была тогда, – именно с нее рисовал садовницу Ласочку Евгений Кибрик, когда иллюстрировал «Кола Брюньон» Ромена Роллана. Кибрик был тогда двадцатилетний одесский студент, завсегда тай литературных вечеров. Сразу скажу, что этот рисунок нашего впоследствии маститого земляка, академика живописи, народного художника СССР – единственное изображение героини очерка, которое удалось обрести... Даже в книге Быкова, снабженной внушительным фотоблоком, оно отсутствует. Кто же она? Быков ошибочно утверждает: «Ее звали Женя Дьяконова, и она была уже замужем, фамилия по мужу была Хин...». Как узнает читатель, на самом деле Хин – ее родная, девичья фамилия. Более того, не была она в это время замужем, а Дьяконовой она стала значительно позже, присоединив к своей фамилии мужа, и даже не первого, а второго... Итак, ее звали Женя, Евгения Юрьевна Хин, и было ей в то время 22 года.

Главным увлечением Евгении Хин была литература, а работала она экономистом, только что окончила одесский Инархоз – Институт народного хозяйства, существовавший до 1930 г.

– Стихи любите? – спросил он у Жени.

– Больше всего на свете.

– Кто любимый поэт?

– Надо, наверное, сказать, что вы.

Он улыбался. Пошли в порт, постепенно обрастая компанией местных поэтов: таково было свойство Маяковского – он собирал вокруг себя толпу и всех вел угощать, особенно же не любил один оставаться в гостинице по вечерам. Рассказывал о Мексике. Стало между тем быстро, как всегда на юге, темнеть, зажегся синий маяк, молодежь начала читать стихи. Кирсанов опять старался. Попросили Маяковского. Он покачал головой. Евгения увлеченно (интерес, любопытство, безусловно, переросли в увлечение) повествует о деталях их прогулки, о вдохновении, которое Маяковский испытывал при созерцании морского пейзажа, кораблей в порту, девушек на молу, уверенно цитирует отрывки диалога, реплики спутников девушки и поэта...

Она жила на улице Коминтерна (Дворянская, Петра Великого, С.Ю. Витте. – Л. А.), совсем близко, но старалась вести его окольными путями, чтобы подольше. Ворота ее дома были закрыты, она потянулась позвонить... Еще раз пошли гулять, часовой узнал поэта, пропустил в ночной порт – он поднялся на корабль,

«Рыжеволосая садовница Ласочка». Рисунки (два варианта) Е.А. Кибрика из иллюстраций к роману «Кола Брюньон» Р. Роллана

стал говорить с матросами, случайно услышал: «Павка по мачты втюрился!» – и год спустя написал: «Я теперь по мачты влюблена в серый «Коминтерн», трехтрубный крейсер».

Убежденный, что Женя склонна к поэтическому творчеству, В. В. попросил ее почитать стихи. Свои она читать побоялась и прочла Пастернака, «Марбург», который, как вспоминала она потом, был паролем в их среде. Особенно его любимая строфа: «В тот день всю тебя...». Он тоже ее часто цитировал, и в только что напечатанной статье «Как делать стихи» – снова.

– Завидую этим стихам, – сказал он. – Завидую поэтам, которых ночью в провинции читают девушки прерывающимися голосами.

А вот еще о ней, о Жене:

– Одобряю короткие юбки! Сразу видишь, с какими ногами имеешь дело.

– Читайте! Вы обещали, – сказала она.

Он сбросил к ее ногам пиджак – всегда его снимал перед выступлением, вешал на спинку стула, – и прочел сперва «Тамару и Демона» («И пусть, обалдев от помарок...»), потом «Разговор с фининспектором», «Мелкую философию», «Юбилейное»... Постепенно мрачнел. Сел рядом с ней на канаты и прочел последнюю строфу из «Домой!» – ее одну: «Я хочу быть понят своей страной...».

На обратном пути на рассвете она заметила, что была ему уже не нужна: он выговорился... Но они оставались почти неразлучны до самого его отъезда. Он ждал ее на углу Портофранковской. Бродили по Пересыпи, бывали на Ланжероне, в Аркадии. Сопровождать Маяковского на прогулках, наблюдать его остроумное общение с людьми было наслаждением, пишет «Женя Юрьевна».

Быков, да и не только он, считает, что от общих одесских друзей Ильф и Петров знали об этом увлечении Маяковского – да и сама она была знакома с Ильфом, в одном кругу встречались, – и что Хина Члек (имя, столь же редкое, как и созвучная ему фамилия Хин. – Л. А.) из «Двенадцати стульев» являет собою гибрид Жени Хин и Лили Брик.

– О чем вы больше всего мечтали в юности?

– О славе. Только о славе. Немного о женщинах.

В.В. Маяковский. Фотографии середины 1920-х годов

– А писать когда начали?

– Всегда писал, ничего в этом нет особенного. Не понимаю, почему другие не пишут...

Она вспоминает, как при одной из встреч достала у него из нагрудного кармана пиджака листок с новым стихотворением

и стала читать. Бросилось ей в глаза посвящение: «Лиле Юрьевне Брик».

– Вы все ей посвящаете?

– Все. Вместе и по отдельности.

– Ну...– она явно обиделась и не знала, чем уравновесить это признание.

– Мне тоже посвящают!

– Прочтите.

– Вот! Но мы спокойны, мы поспорим со стражами Господня гнева... И пахнет звездами и морем твой плащ широкий, Женевьева, – закончил он.

Она опешила:

– Это что... еще кому-то? Откуда вы...

– Это Гумилев,– сказал он, не вдаваясь в объяснения.

23 июня он читал в Одессе доклад «Мое открытие Америки». Летний сад, знаменитая эстрада в виде раковины (очевидно, летний театр в Горсаду, тогда – им. Луначарского. – Л. А.). В антракте сам торговал книжками, раздавал автографы. «Что одну берете? Вот еще хорошая книжка!» Продавал все. Те самые, не расхोдившиеся в магазинах, разлетались стремительно. Во втором отделении читался почти весь американский цикл, с особенным успехом – «Бруклинский мост». Зал требовал «Облако». Маяковский был неумолим.

– Почему вы не читаете «Облако»? – спросила Женя после концерта.

Он обижался на эти просьбы. Катаеву в ответ на мольбу почитать из «Облака» – «все поэмы в вашем исполнении слышал, а эту нет» – рявкнул:

– Феерическая бестактность! Говорите поэту, что хотите, – только не смейте говорить, что его последняя вещь хуже предпоследней!

Жене он ответил мягче:

– Я давно перерос «Облако». Вчерашняя вещь. Сплошные «каки».

Позже Чуковский, отношения между которым и Маяковским временами напоминали «любовь-ненависть», именно с Женей Хин недобро говорил об этих «каках». (Я решил подсчитать ко-

личество слов «как» в не такой уж малой поэме. Их оказалось 16. Совсем не много... – Л. А.)

26 июня гастролировавший в Одессе театр Мейерхольда давал «Учителя Бубуса». Маяковский восхищался игрой Охлопкова: «Очень вы эффектно умираете, вот этот жест рукой...». Ему очень нравилась Бабанова и нравилось то, что спектакль музыкальный: невзирая на всю свою широко анонсированную ненависть к музыкальной классике, он любил Шопена, а в спектакле Мейерхольда, отчасти стилизованном под немое кино, было «46 музыкальных вставок», Шопен и Лист. Владимир Владимирович привел свою одесскую подругу «на чай» к Зинаиде Райх (которая, определенно, будет героиней одного из очерков этого цикла. – Л. А.). «Нужно получить огромное количество контрамарок для моей «ватаги» на все гастроли театра», – напишет Женя даже тогда, когда Маяковский уедет из города. Его принимают с подчеркнутым вниманием.

Маяковский и Мейерхольд, присевшие на балконе гостиницы, явно очень интересовали друг друга, но и какая-то опасливость, настороженность видна в их отношениях; они напоминают двух крупных зверей, принимающих друг к другу. Изучают друг друга и в любую минуту готовы к столкновению. Зинаида Райх чрезвычайно внимательна к поэту.

– А вы заметили, как она чай разливала? – выходя, говорил Маяковский. – Каждая чашка, протянутая ее рукой, несла другую интонацию. Актриса!

После спектакля пошли к Инне Тереховой, подруге Жени: у нее собрались молодые мейерхольдовцы. Александр Костомолоцкий играл на рояле, рисовал шаржи, показывал эпмана и хулигана. Танцевали фокстрот: «Там, на Гаити, вдали от событий, от мира, где Сити, туман, – там с пальмы стройной, высокой и знойной, падал созррревший банан!». И даже Маяковский, танцевать всегда стеснявшийся, на улице долго еще с ней, с Женей, выплясывал.

На следующий день, гордясь близостью к Мейерхольду, он взял ее на репетицию «Рычи, Китай!» – ужасной пьесы Сергея Третьякова. Мейерхольд показывал Бабановой, как надо петь песенку китайского мальчика, и хотя слуха у него не было, а голос дребезжал, он пел так, что Маяковский вздохнул:

– Это самое сильное мое театральное впечатление.

Она в последний раз прошла с ним по жаркому, белому от жары бульвару. В порт входил огромный пароход.

– Серьезная штука, – сказал Маяковский. – Интересно, какая кличка?

Кличка была – «Теодор Нетте». Маяковский оцепенел. «Думал ли, что через год всего встречусь я с тобою – пароходом?» Две недели спустя закончил одно из самых известных поздних стихотворений – «Товарищу Нетте, пароходу и человеку».

28 июня Маяковский уезжал из Одессы, предварительно набрав для нее и ее однокурсников ворох контрамарок от Мейерхольда – на месяц вперед. «Мейерхольд хочет пьесу, он мне не откажет».

– Женя Юрьевна! Напишите мне письмо. Теплое, как объятие.

– Зачем?

В этом вопросе, конечно, ожидание признания, обещания или намека на общее будущее.

– Чтобы вставить его в стихи. О девушке, написавшей письмо поэту.

Но девушка была возмущена до слез, обижена. Желать ее письма только для того, чтобы вставить его в стихи! «Много позже, – пишет она, – я поняла, что жизнь лежала перед ним, как большая тетрадь, и впечатления – передовая «Правды», гудки «Советского Дагестана», походка хромого медвежонка на палубе корабля, мое письмо – ложились в эту тетрадь «отстоявшимися» строчками».

– Как жаль, что я не знала вас раньше, – сказала она, прощаясь. – Этой зимой была в Москве, и все мне казалось, что иду не туда, куда нужно, смотрю не то, что следует.

– Действительно, жаль. Нужно было позвонить по телефону и сказать: «Маяковский! Мне двадцать лет. Покажите мне Москву». И я показал бы!

Когда они встречались, позже, Маяковский говорил:

– Мне нравится наш роман.

– Какой же это роман? Одно недоразумение.

– Но роман и есть недоразумение! Счастье возможно именно только по недоразумению, случайно, кое-как.

После отъезда Маяковского жизнь в Одессе показалась Жене Хин, по ее признанию, нестерпимо унылой. Институт был окончен. Нужно было найти работу. Манила литературная дорога. Она переехала в Ленинград. Осенью того же 1926 года, возвращаясь через Москву в Одессу, чтобы «отдать концы», она побывала на его выступлении в Доме печати. Голос Маяковского гремел в зале. Все места были заняты. Маяковский замечает ее в конце пустого прохода, где она остановилась, охваченная, замороженная ритмикой стихов и голосом поэта. Он закончил стихотворение и – на весь зал:

– Здравствуйте, Женя Юрьевна! Давно ли вы в Москве? Проходите сюда. Вот свободное место.

И вот она в гостях у Владимира Владимировича в Лубянском проезде. В комнате темновато, мрачно, не обжито. Окно выходит в какой-то мрачный закоулок. Ни малейшего уюта. Простые грубые вещи наполняют комнату. Она напоминает полустанок, на котором пассажиры не задерживаются. Ее поразило, насколько он не соответствовал этой мрачной комнате: на трибуне, на корабле, на улицах, в огромных аудиториях он был как у себя дома, на месте, в полном владении окружающим миром, а здесь, в своей рабочей комнате, за своим столом казался чужим всей обстановке, зашедшим на минутку, случайным, не прижившимся гостем.

В углу деревянный некрашенный книжный шкаф, у окна простейший замызганный стол. В комнате сумрачно, не обжито. Камин, ваза с фруктами. На полках небрежно разбросаны книжки Маяковского. Лежит стопочка книг об Америке; только что выпущенные в полосатых обложках книги: «Испания, Гавана, Мексика, Америка». Есть и старые издания – «Про это» с фотомонтажами А. Родченко. Хозяин щедро одарил ее своими книгами.

Задержавшись в Москве, Женя ходила, как на службу, в музей Щукина и Морозовскую галерею. У картин Ренуара и Ван Гога встретилась с Маяковским. Потом гуляли по московским бульварам. Судя по воспоминаниям, таких прогулок и посещений квартиры Маяковского было много. Устраивали соревнования на узнавание авторов разных стихов и даже прозы, она отмечала сверхъестественную память поэта. Он однажды назвал 28 романов и повестей Бальзака. Далее следует многозначительная фраза:

«Эти соревнования *обычно* происходили в Лубянском. Я усаживалась в единственное мягкое кресло, а он разгуливал по комнате... Или полулежал на тахте». Посещал и он Женю в крошечной комнате, где она жила у своей кузины в Б. Афанасьевском переулке на Арбате. Застав у запертой двери двух поджидавших Женю молодых людей, возмущенный, крупно написал карандашом на белой доске:

К этой
самой
Жене Хин
вечно
ходят
женихи

Бурно восхищался Светловым, особенно «Гренадой». Осенью 1927 года они встретились в Ленинграде, куда Маяковский приезжал с выступлениями. Рассказывал о встречах с Блоком, гордился его одобрением «Облака»... Бывая в Ленинграде, приходил в семейный дом Жени и ее первого мужа О. Цехновицера на Адмиралтейской набережной, 10, восхищался их обширной библиотекой, полкой, где хранились и «все сто томов его партийных книжек»... Бывал там и в «предпоследнем», 1929 году, увлеченно рылся в томах Достоевского.

Вспоминает Женя Хин своеобразный эпизод, помогающий понять непростую атмосферу, окружавшую Маяковского в 1928-29 годы. Дело происходит в Ленинграде в конце 1929 года: «У постели больной Лидии Г. собралась литературная ленинградская публика. В углу, опершись подбородком на палку, угрюмый, молчаливый, сидит Маяковский. Разговор, то поднимаясь, то падая, кружит вокруг современной поэзии. Говорят о стихах Пастернака, о Сельвинском. Кто-то цитирует «Юго-запад» Багрицкого. Поминают «Уляляевичину». Называют новые имена, читают новые стихи. О Маяковском – ни слова. Его поэзия не принимается всерьез в этом обществе, вообще не считается поэзией. Это «газетчина», «барабанный бой», в лучшем случае – «социальный заказ», что угодно, но не стихи, не искусство. Из вежливости об этом не говорят в его присутствии. Но политика умолчания выразительнее любой критики.

Маяковский необыкновенно молчалив. В углу, где он сидит, темно, но, все же видно, что его лицо все больше мрачнеет. наступившей паузе из угла доносится хриплый (во рту пересохло) голос:

– Дайте напиться!

Никто не встает. Больная хозяйка обращается к близстоящему гостю:

– Сходите на кухню. Принесите стакан воды Владимиру Владимировичу.

Тот неохотно поднимается, нарочито медленно идет из комнаты. Молчание. Снова кто-то начинает читать стихи. Лицо Владимира Владимировича искажено, но он молчит.

Воду, наконец, приносят. Она оказывается горячей. Хозяйка небрежно роняет:

– Сейчас остынет. Пускай постоит!

Маяковский резко встает:

– Она постоит, а я пойду! – и стремительно выходит из комнаты.

А Лидия Г. – это ее Хин называет хозяйкой – это Лидия Гинзбург (крупный литературовед, писательница и мемуарист, кстати, тоже наша землячка, уроженка Одессы. – Л.А.) в записных книжках описывает этот эпизод с других

О.В. Цехновицер

Ю.О. Цехновицер

позиций, подчеркивая, что для нее Маяковский – «один из самых главных», никакого пренебрежения. Среди присутствовавших она упоминает Н.В. Рыкову, жену Григория Гуковского, близкую подругу А.А. Ахматовой. Вот такой круг общения нашей героини.

В последний раз она встретилась с Маяковским во время его мартовского (1930 г.) приезда в Ленинград, ей запомнилось его одиночество, которое не с кем было разделить, – он всех зазывал в ресторан, никто не шел, у всех были семейные обстоятельства.

Обратимся наконец и к другим источникам, позволяющим пополнить наши представления о Евгении Хин и ее близких, личностях незаурядных и ярких людях, которым, кстати, посвящено намного больше доступных материалов. Так, И.М. Дьяконов, младший брат второго мужа Евгении Юрьевны, в книге воспоминаний, вышедшей в 1995 г., пишет (без комментариев. – Л. А.): «Евгения Юрьевна Хин-Дьяконова (1905, Одесса – 1969 или 1970, Ленинград), вдова О.В. Цехновицера, редакторский работник, была собою видная, почти можно было бы сказать – рослая женщина с медными волосами и фигурой Венеры. Говорят, она была красива еще в Коктебеле, но когда я ее впервые увидел в 1938 г. у Миши (Михаила Дьяконова, второго мужа Евгении. – Л. А.) в Ламоттовском павильоне (Новый Эрмитаж), я красивой ее не нашел; видно, она была «не мой стиль». У нее были маленькие карие глаза, полное, не вполне правильное лицо. Ну, конечно, я не судья, и это описание, может быть, пристрастно. О ее прошлом, кроме того немногого, что она мне впоследствии говорила о себе, я знаю мало, и все по слухам, достоверность которых, видимо, весьма сомнительна. Она была одесситка, с юных лет соприкасалась с одесской литературной средой, – так, близко знала приезжавшего туда Маяковского, позже писала воспоминания об их встрече. Много имела литературных знакомств в Ленинграде и также в Москве; была настолько близко знакома с возлюбленной Маяковского Лилей Брик, что та рассказывала ей вещи, которые, казалось бы, рассказываются только близкой подруге. Была очень умна; но ее приятельница Лидия Николаевна Браудо говорила про нее: «У Жени ум действует сразу по нескольким этажам», – а это уже был комплимент несколько сомнительный. Рассказывали, что она была (подобно М.М. Зощенко и Илье Ильфу) одно время следователем милиции

(очевидно, все же, речь о Евгении Петрове... – Л. А.); рассказывали, что однажды один ее неудачливый поклонник при ней застрелился, и она нашла в себе силы сразу же вынуть свои письма из его кармана. Но все это вовсе не факты, – пишет автор, – за истинность которых я мог бы поручиться, и я привожу эти рассказы, – пишет И. М., – только постольку, поскольку человек характеризуется не только своими поступками и событиями своей жизни, но и тем, какая вокруг него создается легенда».

Как упоминалось, в Ленинграде Женя Хин вышла замуж за филолога. Первый муж Жени Хин Орест Венедиктович Цехновицер (21.08.1899, Псков – 21.08.1941, действующий флот) – интересный человек, как оказалось, также связанный с нашим городом, профессор Литературного отделения ЛИФЛИ, сотрудник газеты «Красный Балтийский флот», полковой комиссар в начальные недели войны, погибший в возрасте 41 года на штабном пароходе «Вирония», потопленном немцами в первый день перехода из Таллина в Кронштадт; посмертно награжден орденом Красного Знамени «за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом отвагу и мужество» (об этом см. Н. Левин, Профессор университета стал полковым комиссаром. «Псковская губерния» № 12-13 (182-183), 31.03-06.04 / 07-14.04.2004 г.).

О.В. Цехновицер – публикатор и исследователь наследия В.Ф. Одоевского, Ф.М. Достоевского, Ф.К. Сологуба. А в упомянутой выше работе Н. Левина я прочитал: «После войны вдова Ореста Вениаминовича Евгения Юрьевна Хин (1905-1970), редактор по профессии, продолжая дело мужа, подготовила к печати большой сборник «Повестей и рассказов» Одоевского, также включив в него утопию «4338-й год». Гослитиздат. 1959».

«Моя мать Евгения Юрьевна Хин считалась в молодости первой красавицей Одессы», – пишет единственный сын Евгении Юрьевны Юрий Орестович Цехновицер и подтверждает, что именно с нее был написан художником Е. Кибриком широко известный портрет Ласочки с двумя вишенками во рту. Портрет этот так понравился Р. Роллану, что он назвал его «деревенской Джокондой» (так что, Джокондами называли обеих одесских подруг поэта – и Денисову, и Хин. – Л. А.). Сам Юрий (09.11.1928 – 1993, по другим данным –

1994 или 1995), после гибели отца жил в семье отчима, инженер-строитель, архитектор – бунтарь, художник андеграунда, фотограф, диссидент. О нем, безусловно, необычайно интересном и талантливом человеке, доступен значительный объем информации. Известно, в частности, что его дочь Ольга (26.04.1956) – оперный режиссер, литератор и художник. Моя попытка отыскать внучку Евгении Юрьевны Ольгу Юрьевну Цехновицер, скорее всего, сменившую фамилию, и раздобыть у нее хоть какую-то фотографию бабушки также не увенчалась успехом.

Второй муж Евгении Хин Михаил Михайлович Дьяконов родился в семье известного писателя М.А. Дьяконова в 1907 году. Востоковед, специалист по древней истории Ирана, истории искусства и культуры стран Ближнего Востока, археолог, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Таджикской ССР. В 1921 году с родителями переехал в Норвегию, где несколько лет учился в университете в Осло. В 1930 году окончил факультет языка и материальной культуры Ленинградского университета. С 1931 года (с перерывами) работал в Государственном Эрмитаже, Ленинградском отделении Института истории материальной культуры, в Академии художеств СССР, преподавал в ЛГУ и МГУ. С первого дня Великой Отечественной войны добровольцем вступил в ряды действующей армии и оставался в ее составе до начала 1944 года. Принимал деятельное участие в Согдийско-Таджикской археологической экспедиции как руководитель (с 1946 года) отдельных отрядов, а с 1953 г. – в качестве руководителя экспедиции. Дьяконов – автор первой в отечественной литературе сводной работы по древней истории Ирана («Очерк истории Древнего Ирана». М., 1961) и многих десятков других работ. За отсутствием более точной информации можно предположить, что их брак с Е. Хин был заключен после 1944 г., хотя отношения между ними были еще при жизни Ореста. Автор книги воспоминаний, которая мной цитируется, – младший брат Михаила Игорь Михайлович Дьяконов, также маститый историк-востоковед, доктор наук, лингвист, специалист по шумерскому и афразийским языкам, древним письменностям.

Разыскивая следы Евгении Юрьевны в библиографических обзорах литературных журналов, я обнаружил немного, что вовсе не означает, что ее публикаций вообще было мало. Это журнал

«Звезда», Хин (Хин-Дьяконова) Евгения Юрьевна, за 1994 год, № 8, с очерком «Коктебель. 1938», где есть интереснейший материал о ее дружбе с Михаилом Зощенко. К сожалению, этого номера нет в Одесской научной библиотеке. В «Звезде» же устные рассказы М.М. Зощенко («Телефонный разговор»; «Самый дурной поступок в жизни»; «Свадьба»; «Как лгала женщина» / Запись Е. Хин-Дьяконовой – **Прим. ред.**) – с. 102, № 7, 1975. Немногочисленны упоминания о Евгении Хин в одесских публикациях. В сборнике научных статей и публикаций нашего литературного музея «Дом князя Гагарина», выпуск 5 (2009) А.Л. Яворская опубликовала статью «Письма Семена Кирсанова», где цитирует письмо поэта к Эмилию Фурманову (литератор и редакционный работник. – Л. А.): «Олендер (очевидно, Семен Олендер, одесский поэт. – Л. А.) мрачен: стихов не пишет, настроение скверное. В Москве была Женя Хин – (помнишь «Фокстроты»?)». И далее: «Женя Хин – Евгения Юрьевна Хин-Дьяконова (1905-1970). В 1920-е годы считалась одной из первых красавиц Одессы, позднее жила в Ленинграде. Была дружна с В. Маяковским. Е. Кибрик, иллюстрируя повесть Р. Роллана «Кола Брюньон», нарисовал ее в образе Ласочки».

М.М. Дьяконов

С датами, как всегда, проблема. В «Метрической книге Одесского раввина о рождении» за 1904 г., ч. 1, на стр. 239, «о родившихся», за № 1006 имеется запись о том, что «...в Одессе у моголев-подольского мещанина Иегуды Менделева Хин и его жены Хаи 1 мая родилась дочь Евгения». Так что, к моменту встречи с Маяковским в 1926 году Евгении Хин исполнилось 22 года. В воспоминаниях Евгения вскользь упоминает о старенькой маме, живущей на Слободке-Романовке.

На обороте последней фотографии, приведенной в статье А.Л. Яворской «Письма Кирсанова», рукой Маяковского написано: «Милой Клавье [Кирсановой] – дикобраз. Выбросьте, взглянувши раз...

Прежде чем завершить это повествование, не могу не привести еще несколько знаковых, на мой взгляд, слов из интервью, которое автор книги «13-й апостол...», безусловно, изучивший значительный пласт литературы и документов о трагической фигуре «звонкого забулдыги – подмастерья...» народа-языкотворца, дал главному редактору московского бюро радиостанции «Свобода» Леониду Велехову.

Закадровый текст: «Поэт Дмитрий Быков издал большую книгу о Маяковском. Стихи Быкова нравятся многим, литературоведческие штудии – далеко не всем. Книга о Маяковском – не исключение.

А книга хорошая – хотя бы уже потому, что она воскрешает потихоньку забываемого поэта. И за это Быкову спасибо – в частности, от тех, кто в юности «переболел» Маяковским. Забывать его не стоит, поэт он был настоящий, есть строчки, которые останутся в поэзии навсегда».

Диалог:

Леонид Велехов: – Кого все-таки из всех этих женщин он любил такой мужской любовью?

Дмитрий Быков: – Евгению Хин. Это моя глубокая вера.

А от себя добавлю: жаль только, что не удалось найти ни одного стихотворения Маяка, достоверно посвященного этой, безусловно, незаурядной женщине – одесситке Евгении Хин...

«Море уходит вспять, море уходит спать...»